

SERVUS BONUS У ПЛАВТА

Рабами у Плавта занималась главным образом история литературы, но с недавнего времени они заинтересовали и историков-социологов, стремившихся по материалам комедии охарактеризовать рабство в Риме, а заодно показать и отношение самого Плавта к рабу и его хозяину. В работах последних десятилетий раб оказывается представителем угнетенного и обездоленного класса, «поднимающего голос против бесвестной эксплуатации»¹; его устами Плавт свободнее выражает взгляды тех слоев общества, борьбе которых с родовой и денежной аристократией он сочувствует². И П. С. Данкин, и О. Юревич утверждают, что Плавт проникнут к рабу глубокой симпатией. Я. Н. Коржинский пишет: «Раб у Плавта вызывает симпатию как представитель обездоленного класса. Такое же сочувствие... к рабу Плавт стремился вызвать и у зрителей»³.

Концепцию Данкина и Юревича внимательно разобрал и убедительно опроверг П. Шпрангер⁴. Остановился он и на характеристике рабов у Плавта, к которой, однако, можно сделать некоторые дополнения, поставив в связь те монологи рабов, где они дают собственную характеристику.

Рабов, действующих в комедиях Плавта, историки литературы давно свели к нескольким типам⁵; главных — два: «хороший раб» — *servus bonus* и «хитрый раб» — *servus callidus, fallax*. Последнего в интересующей нас связи можно не принимать во внимание, потому что, если в нем и есть черты реального раба (раб уже в силу условий своей жизни, и хитрил, и лгал, и был вороват), то они настолько преувеличены и так использованы, что «хитрого раба» можно считать созданием Плавта. Его комедии нужен был этот мастер интриги и обмана, который ловко ведет трудную игру, придумывает смелые и хитрые ходы и выходит победителем из положений, казалось бы, безвыходных. Только с ним, записным плутом и пройдохой, и можно было создать тот иллюзорный мир, комизм которого в значительной степени построен на переворачивании социальных и житейских отношений: раб ездит верхом на господине (*Asin.* 700 сл.), господин слушается приказаний раба (*Cas.* 757 сл.), старый опытный купец сразу оказывается грушкой в руках раба (*Most.* 450 сл.), раб — единственная опора и поддержка беспомощного и бестолкового юнца, своего хозяина.

¹ P. S. D u n k i n, *Post-Aristophanic Comedy. Studies in the Social Outlook of Middle and New Comedy at both Athens and Rome*, Urbana (Illinois), 1948, стр. 140, стр. 104.

² О. J u r e w i c z, *Niewolnicy w komediach Plauta*, Warszawa, 1958, стр. 21.

³ Я. Н. К о р ж и н с к и й, *Отношение раба к выходу на волю. (По материалам комедии)*, ВДИ, 1957, № 3, стр. 157.

⁴ P. S p r a n g e r, *Historische Untersuchungen zu den Sklavenfiguren des Plautus*, Terenz, Mainz, 1961.

⁵ E. S c h i l d, *Die dramaturgische Rolle der Sklaven bei Plautus und Terenz*, Basel, 1917.

Заинтересовался ли Плавт реальным, в действительности существовавшим рабом по контрасту с рабом вымышленным, существовавшим только в комедии и для комедии? Была ли здесь какая-то другая причина? Несомненно одно: из дошедших до нас писателей Плавт был первым, кто обратил внимание на раба как на человека, кто стал вглядываться в его внутренний облик, его душевный склад. Автор бездумно веселых комедий, рассчитанных, конечно, в первую очередь на то, чтоб увеселять зрителей, неожиданно предстает перед ними в роли внимательного и умного психолога. Свои наблюдения над рабом Плавт изложил в монологах, которые произносит рабы. Монологи эти не имеют никакого отношения к действую и никакого комического эффекта не создают.

Плавта в первую очередь заинтересовал «хороший раб», этот, с хозяйской точки зрения, лучший представитель рабского сословия. Он трижды заставил этого раба изложить основы его житейской философии: зрители, очевидно, с удовольствием выслушивали рассуждения и Мессениона в «Менехмах» (966—989), и Гарпага в «Псевдоле» (1103—1115), и Ликонидова раба в «Кладе» («Aulularia») (588—603)⁶. По содержанию рассуждения эти одинаковы: хороший раб, заботящийся о хозяйском деле, занят им в отсутствие хозяина так же старательно, как и в его присутствии, и даже лучше (*arsente ero rem eri diligenter tutetur... aut rectius — Men. 968*); он служит хозяину хорошо и без воркотни (*bene et sedate — 980*), воздерживается от проступков (*culpam absteinam — 983*). Мессениону вторит Гарпаг: «Никуда не годится раб, который ни во что ставит приказ своего господина, который забывает о своих обязанностях, если ему их не напомнить» (*nequam homo, qui nihili eri imperium... servus facit ... qui officium facere immemor est nisi est admonitus — Pseud. 1103—1105*); «я, когда мне что приказано, хотя хозяина и не было, считаю, что он тут» (*etsi abest his adesse erum arbitror — 1114*). Те же мысли высказывает раб Ликонида: хороший раб (*servus frugi — Aul. 587*) не тяготится своей службой (*ne molestiae impetium erile habeat sibi — 588*) и думает сначала о хозяйских делах, а потом уже о своих (*in erum matura in se sera concedet caressere — 590*). Побуждают его к такому ревностному выполнению своих обязанностей два чувства — и страх наказания: доброму рабу не грозят ни плеть, ни колодки (*Aul. 601—602*), «ненавижу побои; охотнее ем молотую муку, чем мелю ее» (*Men. 978—979*), и выгода: хозяин наградит за добрую службу (*Men. 984*).

Раб имеет дело, однако, не только с хозяином; он член рабской familia, это его среда. Каков же он со своими товарищами по рабству?

Плавт нигде в сохранившихся комедиях не выводит общества рабов; судя по экономии Новой комедии, оно ей и не было нужно. Раб и его господин — вот центральная пара, та ось, вокруг которой идет все действие. И очень показательно для серьезного внимания, с которым Плавт относился к рабу, то обстоятельство, что он счел необходимым поглядеть на него в рабском окружении. При полном отсутствиинужды в этом, и литературной и сценической, он повернул своего раба лицом к его соратам: это плохие рабы — не вымышленные *servi callidi*, без которых никакой комедии не будет, а реальные люди. Плавт давал таким образом полную картину рабского общества, а вкладывая характеристику плохого раба в уста *servus frugi*, дополнительно характеризовал и этого последнего, показывая в нем черты, в отношении к хозяину не проявлявшиеся. «Хороший раб» строго судит плохих: они лишены здравого смысла (*ingeni boni*), говорит Гарпаг, они «роскошествуют, проедают, что имеют, они долго остаются рабами» (*luxantur... comedunt quod habent, i nomen diu servitutis ferunt — Pseud. 1107—1108*); еще подробнее характеристика, даваемая Фаниском (*Mostel. 858* сл.); он, *servus bonus*, резко им себя противопоставляет: они *improbi* (ср. *improbi, ignavi — Men. 973*); они «заслужили злое» (*malum meriti*), они расточительны (*peculi sui prodigi*); нашкодив, они ищут спасения в бегстве, а пойманные, «несут побои» (*plagigeruli*). Ему их нисколько не жалко: «их спина для меня дешевле моей» (*minoris pendo tergum illorum quam meum*); он спокойно донесет на них, ничуть не тревожась

⁶ Э. Френкель убедительно показал, что эти монологи рабов не переделка греческого оригинала, а создание Плавта: они облечены в форму лирических партий, в которых Плавт всегда самостоятелен (E. F r e n k e l, *Plautinisches im Plautus*, В., 1922, стр. 243).

тем, что «негодные рабы» будут отстеганы плетью. Когда Периплектомен приказывает своей челяди перебить ноги любому рабу воина, исключая Палестриона, то Палестрион — а он три года прожил с рабами воина — отзывается на этот приказ: «Меня он исключил, что он сделает с остальными, мне наплевать (*me exserpit; nihili facio quid illis faciat ceteris* — *Mil.* 168). Он не умеет быть товарищем, он никому не доверяет и полагается только на себя: «Ничего не стоит раб, нуждающийся в совете (*nil est quam egens consili servos* — *Vacch.* 651). *Servus bonus*, он выделится своей службой, чистыми и нечистыми способами втерся в милость хозяина; ему завидуют и его ненавидят: «Он хозяинке самый близкий; первого зовут есть, первому дают кашу, ни одному рабу у нас не живется так хорошо, как ему» (*hic eae proximum, primus ad cibum vocatur, primo pulmentum datur... neque quoquam quam illi in nostra meliust famulo familia* — *Mil.* 348—351), — говорит Скеледр о Палестрионе — рядовой раб завидует удачливому выскочке и ненавидит его. Сцена между Фаниском и Пинакием весьма красноречиво изображает положение «хорошего раба» в рабской *familia* (*Most.* 885—897). «Если ты сам себе не поможешь, ты пропал», — говорит Эпидик в комедии того же имени (*nisi quid tibi in tete auxili est, arsumptus es* — *Ep.* 83) и, представляя себе будущее наказание, замечает: «я знаю наших (т. е. рабов-сотоварищей): „мне больно — я взвою“» (*novi ego nostros: mihi dolet quom ego vapulo* — *Ep.* 147).

Итак, усердный слуга, побуждаемый в усердии страхом и расчетом, равнодушный к своим товарищам и пользующийся их промахами как средством для своего продвижения, он занят только своей судьбой, в мире для него существует только он. Его оценка «плохих рабов» последовательно вытекает из этого эгоцентризма (тонко подмеченная черта!): «хороший раб» осуждает их в первую очередь за отношение к самим себе: они сами себя губят, растрачивают свое *peculium*, сами себя лишают возможности выйти на свободу. Характеристика, которую он дает им, дополняется другой: два «плохих раба», перебраниваясь друг с другом, рисуют свой облик (*Asin.* 560 слл.). Раб показан здесь в своем отношении не только к хозяину, а к людям вообще: он лжец, вор, клеветопреступник, святотатец, на него нельзя положиться, ему нельзя довериться — он *infidus*, неверный человек (*fidentem fraudaveris; libenter peireraris; prensus in forto... sacro manus sis admolitus*).

Плавт не удовлетворился эмпирической характеристикой раба; он задумался над основной причиной, над началом, создающим такую душу. И увидел его в отсутствии всяких нравственных норм: раб *versipellis*, перевертень, он способен на доброе и на злое в зависимости от окружающей обстановки; не его нравственными положениями, не голосом совести определяется его поведение — он негодяй с негодяями (*improbis cum improbus; bonus с хорошими, плох с плохими: «он должен вести себя в соответствии с обстоятельствами»* (*utrumque res sit, ita animum habeat* — *Vacch.* 656—661), неизменно заботясь об одном — о собственном благополучии. Лесбоник (*Trin.*), прокутивший свое состояние, считает нравственной обязанностью отдать единственный еще уцелевший у него участок земли в приданое сестре; для Стасима, его раба, этот поступок безрассуден, потому что кладет конец спокойной и обеспеченной жизни.

Нет основания думать, что эта характеристика была для зрителей Плавта неожиданной новостью. Он только свел вместе, представил в едином и цельном виде то, что разрозненно, не додуманно и не столь отчеканено было в мыслях любого рабовладельца. Что характеристика понравилась, об этом свидетельствует неоднократное ее повторение, для действия пьесы и ее экономии вовсе ненужное. Она была теоретическим обоснованием общепринятого обращения с рабом, своего рода «идеологическим щитом», которым можно было заслониться от утверждения раба, что он такой же человек, как и его свободный собеседник (*tam ego homo sum quam tu* — *Asin.* 490). Такой же? Хозяин, тысячью нитей связанный с окружающим миром, гражданин, член общества, сознающий свое достоинство, твердо знающий, что это достоинство и честь от него требуют, и ставящий эти требования выше всяких житейских выгод и усад, и его раб, существо без чести и достоинства, для которого все нравственные требования ничего не стоят по сравнению с единственной реальной для него ценностью — сытой жизнью, злой одиночка, свой только себе и чужой всем в мире, движимый даже в лучших поступках

своих только корыстью и страхом, — он человек такой же, как его хозяин? По существу ведь он гораздо ближе к скотине. Советы Катона, как обходиться с рабом, были практическим выводом из этого рабовладельческого мировоззрения, так законченно и отчетливо сформулированного Плавтом. И однако Плавт сам пробил в нем брешь, сделал Мессениона преданным добрым слугой, который кидается на помощь хозяину без всякой мысли о награде (Men. 1109—1110).

«Серая теория» вообще не бывает в ладу с «золотым деревом жизни». Жизнь быстро вразумила рабовладельца, что в имени у него хозяйство пойдет успешнее и прибыльно только в том случае, если у его рабов будет «охота к работе и благожелательность к хозяину» (Varr., R. r. I, 17,7); в страшные дни проскрипций показала ему, что рабы и отпущенники, т. е. вчерашние рабы, оказались вернее, чем его свободные от рождения сыновья (Vell., II, 67, 1); она столкнула его с учеными рабами — греками, которые знали наизусть Илиаду и объясняли ему «Тимея». Экономика, история, повседневный быт в мере, большей, чем философия, создавали тот «нравственный климат», который заставил Сенеку зачеркнуть Плавтову характеристику, сказав, что высокая душа может жить не только в римском гражданине, но и в рабе (Sen., Ep. 31, 11).

М. Е. Сергеевко

THE *SERVUS BONUS* IN PLAUTUS

M. Ye. Sergeyenko

The author writes about the «good slave», into whose mouth Plautus puts self-recommendations. Here is a diligent servant, guided by fear and discretion, despising his fellows (the «bad slaves») for their imprudence (they «deservedly» suffer blows and lengthy servitude) and building his own promotion on their blunders. In general Plautus regarded the slave as «untrustworthy» (*infidus*) and devoid of moral standards (*versipellis*). This is the typical slaveowner's attitude, which Cato also had. And yet it was Plautus himself who breached it by his portrayal of the faithful servant rushing to his master's aid with no thought for himself.